

Маргарита Анатольевна Корзо

Казаня на погребѣ (Требник, Вильно 1621) в контексте католической традиции 'образцовых' поучений на погребение

1. Введение

Изучение funerальной православной письменности Киевской митрополии раннего Нового времени имеет очень длительную традицию. При этом внимание исследователей привлекали в первую очередь панегирики, погребальные 'орации' и 'жалобные вирши' светского характера, а в последние годы – принципы и образцы составления подобного рода текстов, как они были прописаны в школьных пособиях по риторике и поэтике (Циганок 2014). Погребальные слова религиозного содержания первой половины XVII в., пусть и не столь многочисленные по сравнению с современной им польской традицией, никогда не становились объектом комплексного источниковедческого изучения¹; и совершенно вне поля внимания исследователей оказались пусть и малочисленные, но необычайно интересные с точки зрения содержания и источников проповеди-образцы, которые издавались в составе богослужебных сборников.

Подобные 'образцовые' проповеди² появляются в Киевской митрополии лишь в начале XVII в., впервые – в издании Виленского православного братства 1621 г. *Требникъ, сирчь Молитовникъ*³. Он был подготовлен "законниками монастыря братского Церкви Сошества пресвятого и животворящего Духа" и посвящен Иову

¹ К сожалению, существующие попытки (например: Nowak 2008; Матушек 2017: 197-208) можно рассматривать лишь как вводные пролегомены к исследованию.

² Понятием 'образцовая' проповедь (или проповедь-образец) мы будем обозначать две разновидности текста. Первая – это развернутые, но 'обезличенные' поучения, которые можно использовать как готовый продукт, дополнив его соответствующими конкретным обстоятельствам (событию, церковному празднику, т.п.) деталями. Вторая разновидность – это лаконичная подборка сюжетов на определенную тему (иногда в виде пронумерованных пунктов), дополненная библейскими цитатами и фрагментами из сочинений богословов, которая могла служить в качестве тезисного плана для составления текста проповеди. Вторая разновидность 'образцовой' проповеди в гомилетических пособиях XVI–XVII вв. зачастую именовалась 'материей'. Организация церковного поучения по пунктам, которые позволяли внутренне упорядочить высказывание, была, несомненно, плодом влияния схоластики на гомилетику.

³ Поскольку данное исследование не преследует лингвистических целей, то при цитировании источника все вышедшие из употребления буквы передаются современными; исключение сделано только для *ѣ*; титла раскрываются.

(Борецкому) и Мелетию Смотрицкому. К *Требнику* припечатано небольшое приложение на 'простой мове', состав которого как отражен в оглавлении, так и описан в предисловии (Т21: 60б.-7)⁴. Приложение состоит из трех тематических блоков: по две 'образцовых' проповеди на заключение брака и на погребение, также 3-х частный раздел о покаянии (два поучения и вопросник, который духовник мог использовать при расспросах кающегося). Во всех трех случаях первое наставление более пространно по содержанию, а второе – значительно короче; но при общем сходстве основных мыслей краткие наставления не являются всего лишь лаконичным пересказом пространных.

В данном исследовании мы ограничимся анализом только двух 'образцовых' проповедей на погребение и рассмотрим следующие вопросы: в какой степени ранние тексты данного жанра были 'укоренены' в предшествующей православной проповеднической традиции, а в какой – опирались на образцы, которые предлагала традиция католическая; какие тексты могли быть использованы православными компиляторами (и как образец для организации материала, и как источник текстуальных заимствований); в какой степени проповеди-образцы на погребение 'приживаются' в Киевской митрополии XVII в.

В рукописных богослужебных сборниках более ранней эпохи не встречалось каких-либо проповедей-образцов на погребение. Данное замечание верно как для греческих и югославянских памятников, так и для их восточнославянских аналогов. В средневековой католической традиции 'образцовые' проповеди также не были интегральной частью богослужебных книг. Одним из первых опытов можно считать *Liber Sacerdotalis* (самое раннее из сохранившихся изданий датировано 1523 г.) венецианского доминиканца Альберто Кастеллани (Alberto Castellani, 1480-1522), в приложении к которому помещены пять проповедей-образцов. Сочинение многократно переиздавалось до конца XVI в. и стало одним из источников для унифицированного посттридентского *Rituale Romanum* (1614) (Löwenberg 1942: 141-147). Важной вехой в развитии католических 'образцовых' проповедей в составе богослужебных изданий становится новый *Ритуал* для Майнцского диоцеза 1551 г., редакторы которого включили во все чинопоследования краткие поучения на немецком языке ('Ansprache' или 'Vermanung'). Эти адресованные мирянам наставления в форме проповедей воспроизводились впоследствии во многих богослужебных изданиях в других католических диоцезах на немецких землях (Reifenberg 1965: 137-159). Они оказались востребованы и в Речи Посполитой: польский перевод *Napominania potrzebne i zbawienne* авторства Станислава Карнковского (Stanisław Karnkowski, 1520-1603) вышел из печати в 1569 г. в Кракове. Данное издание послужило впоследствии образцом для латино-польско-немецких поучений *Catecheses sive institutiones*

⁴ Одним из первых о существовании анонимных поучений в составе *Требника* 1621 г. кратко упомянул С.И. Маслов (1908: 11). Нам не известно исследований, в которых бы данные поучения были подвергнуты анализу.

(1570) Мартина Кромера (Marcin Kromer, 1512-1589), значительная часть которых была включена в *Ритуалы* Гнезненской митрополии 1574 и 1578 гг. Именно в этих изданиях впервые в традиции польских печатных *Ритуалов* встречается 'образцовая' проповедь на погребение. Опыт Карнковского и Кромера был впоследствии использован Иеронимом Поводовским (Hieronim Powodowski, ок. 1543-1613), который подготовил свою версию унифицированного *Ритуала* (1591) и включил в него в качестве приложения целый ряд проповедей-образцов о таинствах, о Мессе и на погребение на латыни, польском и немецком языках.

Таким образом, можно с большой долей вероятности утверждать, что сама идея совместить православный *Требник* с 'образцовыми' проповедями была навеяна или польским опытом, или какими-то немецкими (иными?) католическими *Ритуалами*. Но копирование модели богослужбной книги, расширенной за счет гомилетического материала, отнюдь не означало, что православные книжники заимствовали и те тексты поучений, которые они находили в католических *Ритуалах*: непосредственным источником для них могли быть сочинения совершенно иных жанров, даже не имеющие прямого отношения к гомилетике. Говоря о возможных источниках подражания или заимствования, мы принимаем во внимание преимущественно компилятивный характер большинства проповеднических текстов той эпохи, когда какие-то сюжеты и примеры массово тиражировались в буквальном или переработанном виде без указания авторства или хотя бы источника информации, а потому ответ на вопрос о конкретных источниках православных 'образцовых' проповедей возможен, как мы считаем, иногда только в форме гипотезы.

Примечательно, что обе проповеди на погребение в приложении к *Требнику* 1621 г. именуется в колофоне *Казаня*, а в предисловии и в оглавлении они называются несколько иначе – "материя казаня". И действительно, оба текста представляют собой не готовые проповеди, которые можно было произнести по случаю траурной церемонии, но довольно лаконичный тезисный план, могущий стать основой для более развернутого погребального слова. План представляет собой перечень тематически подобранных сюжетов, дополненный цитатами из Св. Писания и богословских сочинений, которые выполняют функцию аргументов.

Сама христианская традиция погребальных поучений необычайно богата и восходит еще к патристической эпохе, которая, в свою очередь, была зависима от античных риторических образцов. В восточнославянской православной книжности погребальные поучения переписывались в составе различного рода четких сборников; также и в отдельных рукописных *Учительных Евангелиях* на территории Киевской митрополии со второй половины XVI в. встречается слово устойчивого состава "На день погребу человека христианского" как толкование на Ин 6:47. 'Образцовая' проповедь *Поучение на преставление верного человека, надгробное зело душе полезное* была опубликована в *Евангелии учительном* (1619) первоначально православного, а затем перешедшего в унию Кирилла Транквилиона Ставровецкого. Но при этом жанр выстроенных по пунктам проповедей-образцов или

т.н. ‘материй’ получил распространение только в западнохристианском ареале (Schröder 2001: 990-996)⁵.

Подобного рода ‘материи’ встречались во многочисленных компендиумах по гомилетике, а также в различного рода энциклопедических изданиях, организованных по алфавитному принципу⁶. ‘Материи’ для составления погребальных слов можно было найти и в церковных пособиях по риторике (Маск 2011: 275-276), а также в т.н. ‘консоляториях’ или ‘книгах утешений’ (лат. *Liber consolationis*, нем. *Trostbuch*) (Moos 1971). С XVI в. ‘материи’ все чаще помещались и в специализированных компендиумах погребальных проповедей и речей. Расцвет данного жанра религиозной и риторической литературы (лат. ‘*oratio funebris*’, нем. ‘*Leichenpredigt*’) приходится на эпоху Реформации и связан в первую очередь с лютеранской традицией. Первые католические пособия появляются лишь на рубеже XVI-XVII вв. (Boge, Bogner 1999). В Речи Посполитой родоначальником данного жанра можно считать иезуита Петра Скаргу (Piotr Skarga, 1536-1612), который включил в свой сборник *Kazania o siedmi sakramentach* (1600) четыре образца поучений на погребение, предназначенные для произнесения как непосредственно на траурных церемониях, так и во время различного рода религиозных праздников. Проповеди-образцы создавались и представителями других конфессий: так, реформат Самуэль Дамбровский (Samuel Dambrowski, 1577-1625) включил в состав собрания *Postylla chrześcijańska* (1620-1621) 28 поучений подобного рода. Одновременно с проповедями-образцами в польской письменности начала XVII в. динамично развивается и жанр светских речей на погребение (Bałowska 2010; Skwara 2009: 16-17, 20-24).

Возвращаясь к проповедям-образцам на погребение в составе виленского *Требника*, необходимо отметить, что даже беглое сопоставление двух текстов *Казань*⁷ свидетельствует о том, что они опирались на совершенно разные образцы.

2. Первое Казане

Первое и более пространное *Казане на Погребе* (т21: 15 нн.об.-19 нн.об.) имеет подзаголовок “Утѣха живыхъ, над оумерлыми, на погребѣ, для которыхъ причинъ не маются фрасовати”, за которым следует краткое рассуждение, выполняющее функцию мотто:

Поневажь всѣмъ оумерти есть речъ потребная, а еднакъ люде не могутъ, албо не хочутъ, повстягнути ся от плачу и ляментовъ, гды барзѣй повинни бы были дяковати

⁵ В Киевской митрополии начала XVII в. удалось найти только один такой памятник, который был построен в форме ‘материи’: *Материя для учиненя подякованя при погребѣ якого зацного человека* авторства Кассиана Саковича. Издано в составе ‘виршей’, составленных по случаю смерти гетмана Сагайдачного (в22: 17-19об.).

⁶ В Речи Посполитой подобного рода компендиумы создавали и протестанты (Zygowski 1618), и католики (Szygwid 1629-1644).

⁷ Цитируются далее в тексте как ‘первое’ и ‘второе’.

Богу, и оумерлымъ вѣншовати же от тыхъ бѣдъ вызволены сут и пренесены до покою, нѣкоторыи причины приведу в посродокъ, для чого плакати назбыт немають.

Далее перечисляются десять ‘причин’ почему не стоит слишком сильно горевать над умершими, каждая из которых состоит из лаконичного тезиса и небольшой иллюстрации к нему в виде библейского фрагмента и/или цитаты из богословских сочинений.

При том, что сюжет оплакивания умерших и предостережение от излишних, неподобающих для христианина проявлений скорби был традиционным топосом христианской погребальной письменности (Małunowiczówna 1971: 80), подобное мотто в польских погребальных речах и предшествующей эпохи, и всего XVII в. встречалось не так часто. Использовались фрагменты Книги Екклесиаста 7:2 и 12:5, Премудрости Иисуса, сына Сирахова 22:10-11 и 38:16, Пророка Иезекииля 24:17, Евангелия от Матфея 9:24 и от Луки 7:1 (Skwara 2009: 154, 156, 238, 309, 388, 458, 510, 517, 577). Чаще всего в качестве мотто брался отрывок из Книги пророка Иеремии “Не плачьте об умершем и не жалейте о нем” (22:10) (Skwara 2009: 214, 389, 533; Panuś, Skwara 2014: 75, 243). На основе слов Иеремии выстроил свою проповедь и доминиканец Войчех Ляуданский во время церемонии погребения князя Александра Головчинского (Laudański 1617). Она была произнесена 26 мая 1617 г. в Костеле доминиканцев св. Духа в Вильне и опубликована в том же 1617 г. в типографии Леона Мамонича с посвящением зятю умершего Кшиштофу Стефану Сапеге.

Помимо схожей темы, ряд пунктов первого *Казаня* производят впечатление пересказа отдельных пассажей из сочинения Ляуданского; хотя последний текст значительно больше по объему, содержит многочисленные ссылки на античных авторов и биографические данные Головчинского. Представляется вполне вероятным, что составитель (составители?) первого *Казаня* могли быть знакомы с печатной версией надгробного слова Ляуданского⁸. Но частичное содержательное сходство этих двух памятников объясняется еще и тем, что они восходят к одному и тоже же тексту; при этом если для Ляуданского данный текст был *лишь одним из многих* источников, которыми он пользовался, то первое *Казане* представляет собой буквальный перевод этого текста.

⁸ Не исключено, что кто-то из братчиков мог лично присутствовать и на самой церемонии погребения. К сожалению, не удалось найти никакой информации, которая позволила хотя бы на уровне гипотезы говорить о каких-то контактах между виленскими братчиками и доминиканцами. О самом Ляуданском (Wojciech Laudański, лат. Adalbertus Laudantius) известно очень мало: после обучения в Болонии (1610-1613) он выполнял функции лектора богословия в доминиканском конvente в Вильно (1616-1617), затем – функции приора доминиканских конвентов в других городах. Информация на основе рукописной картотеки польской провинции доминиканцев в г. Краков, Польша. Информация предоставлена сотрудником архива о. Иринею Высокинским (Ireneusz Wysokiński OP).

Речь идет о состоящем из десяти аргументов рассуждении, почему не стоит оплакивать умерших, которые иногда обобщались в рифмованном двустишии:

Vult Deus, et suus est, lex, liberat, omnia noscens,
Nec iuvat⁹, immo nocet, obstabit, surget, amabit.

В самой ранней из известных нам версий данный текст озаглавлен *Fatuitates immoderate lugentiam*, и именно так мы будем именовать его в дальнейшем. В печатных изданиях XVI-начала XVII в. он встречался в сочинениях очень разных жанров, при этом формулировки десяти пунктов или аргументов во всех версиях отличались лишь очень незначительной вариативностью.

Данный текст мог использоваться с разной степенью полноты в сборниках аскетико-назидательного характера для членов Марианских Содалий при коллегиях иезуитов (Vegon 1612: 384-386), в стилизованных под ренессансные 'консультории' диалогах на тему 'rompa funebris' (Cibo Ghisi 1597: 64-70); обобщающий десять аргументов стишок встречался в отдельных пособиях по риторике в разделе о судебном красноречии (genus iudicale) (Wimpfeling 1521: E4v.). Интересующий нас текст мог встраиваться в гомилию на 16-ю неделю после Троицы, когда толковалось чтение из Евангелия от Луки 7:1 ("Noli flere"). В данном контексте *Fatuitates immoderate lugentiam* использовал, например, Меффрет из Майсена (Meffret von Meissen, XV в.) в сборнике годовых проповедей *Hortulus Reginae* (Meffret 1610: 409-410). Написанный ок. 1449 г., данный сборник дважды переиздавался в начале XVII в. (Мюнхен 1610-1612 и Кёльн 1615) (Fugère 2010: 494) и пользовался впоследствии большой популярностью в православных кругах Киевской митрополии и, в частности, у Иоанника Галаятовского (Яковенко 2017: 645). В гомилию на 16-ю неделю после Троицы встроили *Fatuitates immoderate lugentiam* европейски известный польский богослов Миколай из Блоней (Mikołaj z Błonia, род.ок. 1400) (Nicolaus 1613: 272-273) и бельгийский францисканец Жан Ройардс (Jean Rojaerds, 1476-1547) (Rojaerds 1573: 186-188).

Fatuitates immoderate lugentiam служил и в качестве 'материи' для погребальной проповеди. Так поступил, в частности, известный католический переводчик аскетической литературы и автор вспомогательных пособий для школьных курсов риторики Маттиас Тюмпе (Matthias Tumpius, 1566-1616). Его 'материя' ("Bey der Leich eines Blutsverwandten oder getreuwten freunds") вышла из печати в 1605 г. в сборнике *Creutzfahnlein*, впоследствии переиздавалась в несколько расширенном виде в сборнике Тюмпе *Leich: trost: und Busspredigen* в 1608, 1609, 1613 и 1619 гг. (Tumpre 1619: 299-302). *Fatuitates immoderate lugentiam* использовал и церковный сановник при дворе императора Рудольфа II Георг (Юрий) Бартольд из Брайтенберга, прозванный Понтаном (Georg [Jiří] Barthold z Breitenberka, Pontanus, 1550-1616): и в качестве 'материи' в сборнике погребальных проповедей (Pontanus 1611: 653-654), и в качестве основы для произнесенного им в Праге надгробного поучения (Pontanus 1608: 116-118).

⁹ Вариант: Nec valet.

В начале XVII в. появляется польская версия *Fatuitates immoderate lugentiam* и сразу в двух версиях. Оба перевода были сделаны независимо друг от друга, но вышли из печати практически одновременно. Первый из них авторства иезуита Шимона Высоцкого (Szymon Wysocki, 1546-1622) вошел в состав сочинения *Skarbnica duchowna* (Вильно 1600), второй был частью сочинения *Scieszka pobożnego chrześcianina* (Краков 1600), которое подготовил близкий к кругам Общества Иисуса каноник Станислав Гроховский (Stanisław Grochowski, 1542-1612). Перевод Высоцкого впоследствии не переиздавался, в то время как версия Гроховского была перепечатана в Кракове в 1601 и 1608 гг., и в несколько измененном виде – в Познани в 1647 и 1648 гг. Оба польских переводчика использовали один и тот же источник, а именно – *Della frequenza della Communione* итальянского иезуита Фульвио Андроцци (Fulvio Androzzi, 1523-1575). Сочинение было впервые опубликовано в составе второй части *Opere spirituali* иезуита (1579), издавалось впоследствии как самостоятельное произведение на латыни и на многих европейских языках. Помимо вынесенной в заглавие тематики Евхаристии и необходимости частого причастия (данная практика пропагандировалась в XVI в. в первую очередь иезуитами), сочинение Андроцци включает толкование Апостольского Символа веры и молитвы *Отче наш*, рассуждения об искушениях и грехах, а также ‘лекарства’ от разных тревог и тягот, которые преследуют христианина на его жизненном пути. Интересующий нас текст *Fatuitates immoderate lugentiam* в сочинении Андроцци именовался как “Rimedij per consolar i tribolati per la morte di alcuno” (лат. “Remedia ad consolandum afflictos ex morte cognati vel amici tristes” [Androzzi 1612: 151-154]). В данной главе Андроцци перечисляет аргументы (или ‘лекарства’), которые могли бы утешить христианина, потерявшего близкого ему человека или друга. Примечательно, что в итальянской и латинской, а также и в немецкой версиях сочинения Андроцци в подтитule интересующей нас главки указано, что она составлена на основе сочинения Антонина. И Высоцкий (SCO0: 135-142), и Гроховский (SCO8: 55-58) данное упоминание опустили, хотя в других местах польских переводов ссылки на Антонина сохранились.

В данном случае имеется в виду Антонин (Антоний) Флорентийский (Antonino Pierozzi, 1389-1459) и его фундаментальный труд по моральной теологии *Summa Theologica*. Написанная между 1440-1454 гг., *Summa* до начала XVII в. выдержала 18 полных и несколько частичных переизданий (Edelheit 2014: 99) и выступала одним из важных источников богословского знания. У Антонина интересующий нас текст *Fatuitates immoderate lugentiam* встроен в главу “De triplici morte et miseriis nuntiis mortis, et multis aliis circa mortem” в составе 5-го титула 1-й части *Summae* (Antoninus Florentinus 1740: 362-363). Почти все цитаты из богословских сочинений, которые Антонин использует в данной главе, взяты им из *Декрета* Грациана: об этом свидетельствует как типичный для *Декрета* характер оформления ссылок, так и прямое апеллирование Антонина к данному памятнику. Всего лишь несколько сочинений архиепископ Флоренции цитирует в данной главе (но не в интересующем нас фрагменте!) без ссылки на *Декрет*, и одно из них – это толкование на Книгу Премудрости Соломона

английского доминиканца Роберта Холкота (Robert Holkoth или Holcot, 1290-1349) (Antoninus Florentinus 1740: 349). И именно в сочинении *In Librum Sapientiae Regis Salomonis Praelectiones cxxiii* Холкота мы встречаем впервые из всех известных нам памятников десять аргументов против избыточного горевания об умерших с их обобщением в рифмованном двустишии (Holkoth 1586: 542-544). Данное сочинение Холкота считается одним из бестселлеров позднего Средневековья, оно сохранилось в огромном числе рукописей и долгое время использовалось в качестве своеобразного цитатника как сочинений Отцов Церкви, так и античных авторов (Wenzel 2005: 317, 324-325). Контекст, в котором сам английский доминиканец помещает рассуждение об избыточном горевании, не имеет ничего общего с теми контекстами, в которых интересующий нас текст *Fatuitates immoderate lugentiam* встречался впоследствии во всех описанных выше сочинениях: у Холкота он появляется как часть толкования на 15 и 16 стихи 14-й книги Премудрости Соломона, где на примере отца, оплакивающего безвременную кончину своего сына и увековечившего его память в скульптурном изображении, говорится о происхождении идолопоклонства.

Лишь в одном из перечисленных нами памятников, в составе которых встречался текст *Fatuitates immoderate lugentiam* есть прямое указание на то, что его автором был Холкот (Nicolaus 1613: 272). Означало ли это, что Миколай из Блоней в данном конкретном случае напрямую обращался к сочинению английского доминиканца сказать невозможно, хотя факт знакомства польского богослова с наследием Холкота имеет документальное подтверждение (Grzybowska 2014). Но при этом можно утверждать со всей определенностью, на какой конкретно памятник из всех выше перечисленных опирались составители первого виленского *Казаня*. Речь идет о сборнике погребальных проповедей Георга Понтана. Текст *Fatuitates immoderate lugentiam* получил у него название *Consolatoria super omnes charissimos, et habet decem rationes* (Pontanus 1611: 653-654). Как было отмечено выше, формулировки десяти пунктов или аргументов во всех печатных версиях *Fatuitates immoderate lugentiam* отличались лишь очень незначительной вариативностью. Но только у Понтана встречаются некоторые сокращения и расширения текста, которых нет в иных памятниках, но которые присутствуют в первом *Казаню*. Это касается как библейского цитирования, так и фрагментов из различных богословских сочинений. Все десять аргументов были переведены в виленском тексте дословно:

T21

Першая причина есть воля Божая, до которой мы нашу волю виннисмо стосовати.

Вторая, слушность, поневаж волно есть и справедливо, то отшукати и знову взяти, што чіе есть.

Pontanus 1611

Prima causa est voluntas divina, cui potestatem debemus conformare.

Secunda aequitas, quia licitum est ac iustum, repetere et recipere quod suum est.

Третья: потреба оумираня.

Tertia, necessitas moriendi.

Четвертая, братерскій пожиток ку змерлому, который през смерть высвобоженный есть от тудейшихъ того свѣтнихъ бѣдъ.

Quarta, fraterna utilitas erga defunctum, qui per mortem liberatus est a praesentibus miserijs. Omnia cum morte soluuntur.

Пятая: бозское споряженье, которое вѣдает што есть человеку пожитечно чи жити чили тежъ оумрѣти.

Quinta, Divina dispositio, quae novit, quid expediat homini, vivere an mori.

Шестая, Непожиток плачу и смутку, которыи оумерлого до живота не могутъ привернути ани от муки вызволити.

Sexta, Inutilitas luctus et tristitiae, quae mortuum ad vitam non possunt revocare, nec a poena liberare.

Седмая: шкода которая сердцу и души з плачу походит.

Septima, Damnum, quod cordi ex luctu et animae provenit.

Осмая: непожитокъ, который з смерти походить. Часто прїатели до дороги збавенной перешкожаютъ.

Octava, Inutilitas quae de morte provenit. Saepe amici iter salutis impediunt. Nam et cor diligentis ad mundum alliciunt, et eorum calamitates offendunt.

Девятая пришлое змертьвыхъ встанье, то есть в которое до живота будутъ приведены, тыи которыи з жалемъ суть оутрачены.

Nona, Futura resurrectio, scilicet in qua ad vitam reducentur, qui cum dolore amittantur.

Десятая, если насъ прїатели справедливыи в томъ животѣ миловали: теды тежъ в вѣчномъ милуютъ, и насъ заслугами своими оуправляютъ.

Decima, si nos amici iusti hac in vita dilexere, utique etiam in aeterna diligunt, nosque meritis suis dirigunt.

Только у Понтана (а вслед за ним и в *Казаню*) не встречаются присутствующие во всех без исключения выявленных нами версиях *Fatuitates immoderate lugentiam* фрагменты из *Сентенций* Петра Ломбарда, сочинений Сенеки, Бернарда Клервоского, Амвросия Медиоланского, псевдо-Августина, Исидора Севильского и Киприана; а также в последнем 10-м пункте лаконичная отсылка на *Исповедь* Августина (кн. 9, гл. 3) была заменена на пространную дословную цитату из книги *De cura pro mortuis gerenda* или 'о стараню за оумерлыхъ' (в версии первого *Казаня*). Здесь Августин на примере отношений со своей матерью говорит о связи близких людей, которая не заканчивается и после смерти: Моника как при жизни всячески радела о его благе, так и после своего ухода в мир иной не оставляет его своими заботами. Сочинение Августина вошло в ряд авторитетных канонических памятников (например, *Декреты* Грациана) и в первые печатные собрания сочинений Августина (Dörr 2013: 271-272), активно цитировалось в католической письменности для обоснования в пику протестантам практики молитвы за души умерших.

Единственное отличие между версиями Понтана и виленского *Требника* состоит в том, что в первом *Казаню* две цитаты из Иеронима Стридонского оказались спрятаны за безличным выражением “един з докторов”. В *Fatuitates immoderate lugentiam* приводится пассаж из приписываемого Иерониму послания утешительного *К Тиразиуму*. Во всех известных нам версиях (кроме Понтана) псевдо-Иероним цитируется только во 2-м пункте в усеченной форме (“Nihil de tuo sustulit, qui tibi quod proprium erat donavit”) как без указания названия сочинения, так и с указанием оногo (иногда даже в двойной форме: *Epistola ad Marsilium vel Tyrasium*). И у Понтана, и в первом виленском *Казаню* фрагмент псевдо-Иеронима сильно расширен и поделен на две части. Зачало попадает в 1-й пункт:

T21

мовит **един з докторов**¹⁰, наших оумер-
лых оплакиваемъ, о которых вѣрим, же
з мертвых встанут, штож чинилибысмо,
если бы толко попросту оумерети роска-
заль Богъ.

Pontanus 1611

Hieronimus. Si nostros defunctos plangi-
mus, quos tamen resurrecturos credimus,
quid faceremus, si mori tantum praecipe-
ret Deus.

Конец цитаты оказывается во втором пункте:

T21

Ничого, **мовит тотже Докторъ**, не взялъ
твоего который рачиль отшукати свой
власный кредитъ: отшукати годилося
тому кто повѣриль.

Pontanus 1611

Hieronimus. Nihil abstulit tuum, qui
dignatus est recipere proprium creditum
suum. Recipere decuit creditorem.

Возникает вопрос, почему составителям первого *Казаня* понадобилось ‘прятать’ ссылку на Иеронима, в то время как они оставили двукратное упоминание имени Августина. У Понтана (в отличие от многих других версий *Fatuitates immoderate lugentiam*) не указано, из какого конкретно сочинения Иеронима он взял приведенную выше цитату и эту информацию составители первого *Казаня* могли получить только из другого источника (если они вообще этой информацией обладали). Важно отметить, что уже в Базельском издании сочинений Иеронима 1516 г. послание *К Тиразиуму* было помечено как сомнительное, но при этом издатели не предложили своих гипотез относительно его атрибуции. Если виленским братчикам было известно, какое конкретно сочинение Иеронима процитировано у Понтана, то не потому ли они предусмотрительно решили не называть этого ‘доктора’ по имени, что они знали о сомнительности авторства? Если наше предположение верно, то в распоряжении составителей первого *Казаня* должно было быть скорее всего именно Базельское из-

¹⁰ Здесь и далее все выделения в цитатах сделаны автором статьи.

дание под редакцией Эразма Роттердамского, потому что в достаточно многочисленных переизданиях посланий Иеронима второй половины XVI – начала XVII в. текст письма *К Тиразиуму* обнаружить пока не удалось¹¹.

3. Второе Казане

Второе *Казане* из виленского *Требника* (Т21: 19нн.об.-2онн.об.) гораздо более лаконично, нежели первое. В качестве мотто выбран довольно традиционный для погребальных поучений фрагмент Мф 24:42 о необходимости постоянного бодрствования, поскольку верующему не дано знать время, место и способ смерти. В данном случае виленские братчики снова обратились к сочинению Понтана, а именно к фрагменту 2-й главы его *Incineratio mortalium* (Pontanus 1611: 425-426). После нескольких ‘образцовых’ проповедей на тему “ad mortis praeparationem”, Понтан помещает ряд ‘материй’ или ‘themata breviora’ на этот сюжет, в том числе и ‘материю’ “*Estote parati. Matth. 24*”. Второе *Казане* воспроизводит текст Понтана дословно с двумя небольшими сокращениями. Приведем для сравнения фрагменты обоих текстов, опуская библейское цитирование:

Т21

Пожадаючи милосердный Богъ оуставичне збавеня нашего, и видячи же нѣгды немислим о смерти, а не мыслячи не чинимъ жадного приготования, и жадного доброго, чимбысмо дѣлали спасеніе во страсть и трепеть, приводить нам то все на память, мовячи тыи словы. *Будьте готови*, и прочая. А то жебысмо были готови.

Напрод для непевности смерти, в якомъ вѣцѣ албо часѣ оумеръти маемъ [...]. Жебы нѣгды человекъ не был безбечный. Прето юж добре жій, жебысь вѣдал где будеш потым.

Повторь для невѣдомости мѣсца [...]. И жебы человекъ познавал бозскую мощь и силу [...].

Pontanus 1611

Desiderans misericors Deus continue salutem nostram, et videns quod numquam cogitemus de morte, et non cogitando non faciamus aliquam praeparationem, nec aliquid bonum, quo operemur salutem in timore et tremore, reducit nobis in memoriam haec omnia dicens verba allegata, ut simus parati.

Primo, propter incertitudinem mortis, in qua aetate vel tempore simus morituri [...]. Ut semper homo dubitet, et ne desperatione homines peius viverent, aut cum scirent, quando deberent mori, tum demum vellent poenitere. Ego iam bene vive, ut scias ubi eris postea.

Secundo loci incognitio [...]. Utque homo cognoscat Dei potentiam et virtutem [...].

¹¹ Отсутствует *К Тиразиуму* и в первом издании избранных посланий Иеронима на польском языке (Краков, 1573). Уникат Ягеллонской Библиотеки, г. Краков, экземпляр без титульного листа.

Потрете для невѣдомости способу смерти [...].

Жебы знал человекъ же Панъ сам есть смерти оускромител. Видим абовѣмъ гды гды кто паном ест над якою речю, заживает тои речи як хочет: и если кто мает коня, заживает его часом верхом ездячи, часом дрова возячи: и прочая. Такъ Богъ разных заживаетъ и над то болших способов смерти. Што в мученикахъ есть явно [...].

Тот, имярекъ, былъ так <...>¹² ве вшелякй час и на каждом мѣсцу, же и о способ недбал и прочая и прочая.

Tertio, Modi mortis ignoratio [...].

Ut cognoscat homo Dominum esse mortis domitorem. Videmus enim quando quis habet dominium alicuius rei, utitur ea re, ut vult. Et si quis habet equum, utitur illo aliquando equitando, aliquando vehendo ligna, etc. Sic Deus varijs utitur ac pluribus modis mortis. Quod in martyribus patet [...].

Hic N. fuit semper paratus omni tempore et loco, ut et modum non curaret.

Содержательное наполнение каждого из пунктов состоит в обоих памятниках из библейских цитат, выполняющих функцию аргументов. При этом составители второго *Казаня* переводят их на ‘простую мову’ прямо с текста Понтана, с сохранением ряда встречающихся у того ошибок в нумерации библейских глав. В отдельных случаях наряду с номером главы в *Казаню* появляется и номер зачала. Это может говорить как о том, что некоторые цитаты сверялись со славянской *Библией* (Острожской?), так и о том, что данные библейские фрагменты составители второго *Казаня* знали наизусть. Но если какая-либо сверка и осуществлялась, то далеко не всегда. Остановимся лишь на одном и самом очевидном примере. Во втором пункте (незнание человеком часа смерти) Понтан приводит буквально по версии *Вульгаты* фрагмент из 32-й книги Иова “Nescio quamdiu subsistam, et si post modicum tollat me factor meus” (здесь процитирован 22-й стих). Во втором *Казаню* слова Иова переведены как “Невѣдаю якъ долго жити буду, и якъ рыхло знесет мя творца мой”. В версии *Острожской Библии* данный фрагмент звучит совершенно иначе: “Но ниж человека неоусрамляюся, несведе бо подивитися лицу. Аще ли имене моіе изъядать, никакоже”.

Использованную братчиками ‘материю’ Понтана можно лишь с большой долей условности назвать его авторским текстом. Им самим были составлены лишь зачало, некоторые связки между аргументами и заключение. Основное содержание ‘материи’ было позаимствовано им из популярных в ту эпоху гомилетических пособий. И одним из вероятных источников мог быть, например, компендиум *Dictionarium pauperum, ordine alphabetico*, на титульном листе которого в качестве издателя (“e tenebriis erutum et in lucem editum”) был указан францисканец Петрус Ридольфи (Petrus Ridolfi, 1536-1601). Сочинение представляет собой пособие по составлению пропо-

¹² Текст поврежден.

ведѣй в виде тематически организованных тезисов, цитат из Священного Писания, отдельных богословов и античных авторов. После своего выхода в 1580 г. в Болонии это сочинение переиздавалось как минимум шесть раз на рубеже XVI-XVII веков. На титульном листе каждого из изданий указано, что оно перерабатывалось и расширялось; изменялось название книги и внутренняя организация материала, также система справочных индексов.

Фрагмент текста, который мог быть использован Понтаном, встречается в главе *Mors* (в отдельных изданиях она называется *De morte*) (D19: 443-452). Здесь перечисляются несколько причин, почему человеку надлежит готовиться к смерти и одна из них заключается в том, что смерть может случиться внезапно и нельзя заранее предугадать ее обстоятельства. Тезис об обстоятельствах анализируется затем более подробно, а именно: состояние, в котором человек принимает смерть, место, время и способ смерти (или *status, locus, tempus, modus*). Именно этот фрагмент об обстоятельствах, как представляется, и мог лечь в основу 'материи' Понтана (а затем и, соответственно, второго виленского *Казаня*).

Помимо структурного сходства двух текстов, можно отметить и интересное содержательное совпадение. Внутри аргумента о способе смерти Понтан приводит следующее рассуждение: "Nescit si in gratia, an in peccato moriatur, si dives an pauper, sanus an infirmus, laqueo, **gladio, aqua, igne**, casu etc." (Казане: "Невѣдает если в ласце если в грѣху оумрет, если богатый албо оубогый, здоровый, албо хорый, смертью сромотною, **мечем, водою, огнем**, припадком, и проч."). Данный фрагмент очень напоминает перечисленные в пособии Ридольфи "genus mortis" ("utrum **gladio, vel igne, vel aqua moriatur**").

Ридольфи, в свою очередь, переработал и опубликовал популярное еще в Средние века пособие Николауса де Бьярда *Summa de Abstinencia* (Frymire 2010: 383), расширив его в первую очередь за счет обширного (в 40 главках) вступления об основах церковной риторики. О де Бьярде (de Byard; Byardo; Biardo) известно лишь то, что он умер в 1261 г., был доминиканцем или францисканцем. Его *Summa de Abstinencia* вышла из печати без указания автора в 1498 г. в Париже и издавалась в начале XVI в. около восьми раз. Но еще до своей публикации сочинение де Бьярда активно переписывалось, а интересующий нас фрагмент об обстоятельствах смерти попал и в сочинение энциклопедического характера *Speculum morale* начала XIV в., которое было составлено неким францисканцем, но долгое время приписывалось доминиканцу Винцентию из Бове (ок.1190-ок.1264). Именно на Бове ссылались многие компиляторы более позднего времени, цитируя в своих гомилетических пособиях интересующий нас фрагмент об обстоятельствах смерти (Johannes 1983, 196-197). Чем конкретно пользовался Понтан сказать очень сложно, но, скорее всего, он использовал не издания де Бьярда начала XVI в. и не *Speculum morale* псевдо-Бове, в котором лаконичный фрагмент *Summae de Abstinencia* 'оброс' новым материалом, но хронологически более ему близкие редакции Ридольфи.

4. Заключение

Тот факт, что обе ‘образцовые’ проповеди на погребение из виленского *Требника* представляют собой перевод фрагментов из сочинения Понтана, не обязательно является аргументом в пользу наличия данной книги в библиотеке Виленского братства или в каком-то ином, доступном братчикам книжном собрании. Нельзя полностью исключить и возможность того, что в данном случае мы имеем дело с результатами т.н. ‘интенсивного чтения’ или активно практиковавшегося в курсе риторики метода заучивания значительных фрагментов текстов, которые потом воспроизводились по памяти. С другой стороны, высокая степень дословности передачи сочинения Понтана может свидетельствовать если и не о наличии книги, то, по крайней мере, о наличии выписок из нее у составителей первого и второго *Казаня*. В любом случае, можно только строить гипотезы о том, какими путями ‘материй’ Понтана попали в руки к издателям виленского *Требника*. Очевидно лишь то, что это случилось после 1611 г. – или даты публикации сборника Понтана.

Весьма примечательно, что ‘образцовые’ проповеди на погребение не прижились в виленской книжности более поздней эпохи: в последующих изданиях виленских православных *Требников* они больше не встречаются. Но данный жанр получил развитие в иных регионах Киевской митрополии: так, *Казане на погребѣ Православного христіанскаго человека* помещает в *Требнике* своей редакции Львовский архиепископ Арсений Желиборский (Е 45: 122-133об.). Написанное на ‘простой мове’, оно не вынесено в приложение к *Требнику*, но инкорпорировано в чинопоследование на разлучение души от тела. Несколько иначе поступает Петр Могила, который в *Евхологіоне* 1646 г. помещает все восемь проповедей-образцов (в том числе и на погребение) компактно в третьей части, где они образуют (как в польских *Ритуалах* и в виленском издании 1621 г.) своего рода приложение к основной части *Требника*. Во второй половине XVII в. ‘образцовые’ погребальные проповеди появляются и в авторских гомилетических сборниках таких известных проповедников, как Иоанникий Галятковский, Лазарь Баранович, Антоний Радивилловский. Но во всех этих случаях погребальные поучения составлены не в форме “материй”, но текстуально развернутых проповедей-образцов, носят следы авторской работы, хотя используемый иллюстративный материал (например, *exempla*) свидетельствует об обращении их составителей к популярным в ту эпоху католическим пособиям по риторике и сочинениям по иероглифике и эмблематике.

Сокращения

- B22: *Вириши на жалосный погребъ Зацного Рыцера Петра Конашевича Сагайдачного, Киев 1622.*
- E45: *Евхологион, си ест Молитвослов, или Требник, Львов 1645.*
- T21: *Требникъ, сиртьчь Молитовникъ, Вильно 1621.*
- D19: *Dictionarium concionatorum pauperum auctoris incogniti in quo materiae omnes concionatoribus pernecessariae, Coloniae 1619.*
- SC08: *Scieszka poboznego Chrześcianina. To iest, Nauki y przestrogi co potrzebniejszye, na poratowanie wszystkich zbawienia pragnących, Kraków 1608.*
- SK00: *Skarbnica duchowna rozmaite książeczki nabożne z drogimi naukami w sobie zamykająca, Wilno 1600.*

Литература

- Маслов 1908: С.И. Маслов, *Казанье Мелетія Смотрицького на честный погребъ о. Леонтія Карповича, Киев 1908.*
- Матушек 2017: О. Матушек, *Погребові казанья українських проповідників XVII століття*, в: Б. Криса, Д. Сироїд (ред.), *Кирило Транквіліон Ставровецький – проповідник Слова Божого*, Львів 2017, с. 197-208.
- Циганок 2014: О. Циганок, *Фунеральне письменство в українських поетиках та риториках XVII-XVIII ст.: теорія та взірці*, Вінниця 2014.
- Яковенко 2017: Н. Яковенко, *У пошуках Нового неба. Життя і тексти Йоаникія Галатовського*, Київ 2017.
- Androzzi 1612: F. Androzzi, *Piae Meditationes sive Considerationes de frequentanda communionem*, Coloniae 1612.
- Antoninus Florentinus 1740: Antoninus Florentinus, *Summa Theologica*, I, Veronae 1740.
- Barłowska 2010: M. Barłowska, *Swada i milczenie. Zbiory oratorskie XVII-XVIII wieku – prolegomena filologiczne*, Katowice 2010.
- Boge, Bogner 1999: B. Boge, R.G. Bogner (Hrsg.), *Oratio funebris: Die katholische Leichenpredigt der frühen Neuzeit*, Amsterdam 1999.
- Cibo Ghisi 1597: I. Cibo Ghisi, *Pompa funebre distincta in cinque dialogi*, Fermo 1597.

- Döpp 2013: S. Döpp, *De cura pro mortuis gerenda*, в: K. Pollmann (ed.), *The Oxford Guide to the Historical Reception of the Augustine*, I, Oxford 2013, c. 271-274.
- Edelheit 2014: A. Edelheit, *Scholastic Florence: Moral Psychology in the Quattrocento*, Leiden-Boston 2014.
- Frymire 2010: J.M. Frymire, *The Primacy of the Postils. Catholics, Protestants, and the Dissemination of Ideas in Early Modern Germany*, Leiden-Boston 2010.
- Grzybowska 2014: L. Grzybowska, *Echa lektury dzieł Roberta Holcota w kazaniach Mikołaja z Błonia. Przyczynek do rozważań o późnośredniowiecznych "modi legend"*, в: K. Bracha (red.), *Kaznodziejstwo średniowieczne – Polska na tle Europy. Teksty, atrybucje, audytorium*, Warszawa 2014, c. 125-140.
- Holkoth 1586: R. Holkoth, *In Librum Sapientiae Regis Salomonis Praelectiones CCXIII*, s.l. 1586.
- Johannes 1983: Johannes von Paltz, *Werke*, I. *Coelifodina*, hrsg. Ch. Burger, F. Stasch, Berlin 1983.
- Laudański 1617: W. Laudański, *Kazanie przy pogrzebie Wielmożnego Pana Jego Mości Pana Alexandra Gołowczyńskiego*, Wilno 1617.
- Löwenberg 1942: B. Löwenberg, *Erstausgabe des Rituale Romanum von 1614*, "Zeitschrift für Katholische Theologie", LXVI, 1942, c. 141-147.
- Mack 2011: P. Mack, *A History of Renaissance Rhetoric: 1380-1620*, Oxford 2011.
- Małunowiczówna 1971: L. Małunowiczówna, *Stare i nowe w greckiej konsolacji chrześcijańskiej*, "Roczniki Humanistyczne", XIX, 1971, c. 73-84.
- Meffret 1610: Meffret von Meissen, *Sermonum Verbi Dei, quos vulgo Hortulus Reginae appellatur. De tempore, pars aestivalis*, Monachii 1610.
- Moos 1971: P. von Moos, *Consolatio. Studien zur Millellateinischen Trostliteratur über den Tod und zum Problem der christlichen Trauer*, I, München 1971.
- Nicolaus 1613: Nicolaus de Plove, *Sermones super evangelia dominicalia*, Coloniae 1613.
- Nowak 2008: A.Z. Nowak, *Człowiek wobec wieczności. Ukraińskie i białoruskie prawosławne piśmiennictwo żałobne XVII wieku*, Kraków 2008.
- Panuś, Skwara 2014: K. Panuś, M. Skwara (red.), *Kazania funeralne*, Kraków 2014 (= Kazania w kulturze polskiej, 2).
- Pontanus 1608: Georg Barthold Pontanus, *Armatura Dei, in qua belli tempore conditionatoribus ad faciendum verba tam militi, quam populo diversa et copiosa subministratur materia*, Moguntiae 1608.

- Pontanus 1611: Georg Barthold Pontanus, *Incineratio mortalium, hoc est, Conciones Funebres*, Coloniae 1611.
- Reifenberg 1965: H. Reifenberg, *Die Trauungsansprache in den Mainzer Ritualien: Eine 400 Jahre überdauernde Konzeption und ihr Werdegang*, "Zeitschrift für Katholische Theologie", LXXXVII, 1965, 2, c. 137-159.
- Royaerds 1573: J. Royaerds, *Homiliae in Evangelia Dominicalia, pars aestivalis*, II, Lugduni 1573.
- Schröder 2001: B.-J. Schröder, *Materia*, в: G. Veding (Hrsg.), *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*, V, Tübingen 2001, таб. 990-996.
- Skwara 2009: M. Skwara, *Polskie drukowane oracje pogrzebowe XVII wieku*, Gdańsk 2009.
- Szyrwid 1629-1644: K. Szyrwid, *Punkty kazań*, I-II, Wilno 1629-1644.
- Tympe 1619: M. Tympe, *Leich: trost: und Busspredigen, auch Anweisung wie dieselbigen in Auslegung Sonn: und Feyrtäg: Evangelien gebraucht werden können*, Münster 1619.
- Veron 1612: F. Veron, *Manuale Sacerdotalis Beatae Mariae Virginis*, Atrebatii 1612.
- Wenzel 2005: S. Wenzel, *Latin Sermon Collections from Later Medieval England. Orthodox Preaching in the Age of Wyclif*, Cambridge 2005.
- Wimpfeling 1511: J. Wimpfeling, *Selestadiensis elegantiae maiores: rhetorica eiusdem pueris utilissima*, Lipsiae 1521.
- Zygrowiusz 1618: J. Zygrowiusz, *Pociecha rodzicom, dziatkom, braciemy, krewnym y przyziacielom. W utraceniu Rodzicow, dziatek, braciemy, krewnych y przyziaciół miłych przez śmierć*, Lubcza 1618.

Abstract

Margarita Anatol'evna Korzo

Kazane na pogrebe (Trebnik, *Vilnius 1621*) in the Context of the Catholic Funeral Sample Sermons Tradition

The article discusses hypotheses for the possible sources of two funeral sample sermons written in *prostaja mova*, which were addressed to the laity and attached to the *Ritual* edition by the Orthodox Brotherhood of Vilnius in 1621. The author suggests that the very combination of homiletic material in vernacular language with the traditional ecclesiastical rites goes back to the Catholics *Ritual* published in 1551 in Mainz and was later followed in the Polish-Lithuanian Commonwealth by Stanisław Karnkowski, Marcin Kromer and Hieronim Powodowski.

The two funeral sample sermons attached to the Vilnius *Ritual* used as a main source a homiletic work of Georg Barthold Pontanus (1550-1614), *Incineratio Funebres* (1611). The first sermon used as a model a fragment entitled *Consolatoria super omnes charissimos, et habet decem rationes*, composed by Pontanus on the basis of the medieval consolation, which goes back to the English Dominican Robert Holcot (1290-1349). This text of consolation, sometimes called as *Fatuitates immoderate lugentiam*, was widely available in different published editions in the 15th, 16th and 17th centuries: in liturgical sermons, books on rhetoric, dialogs '*pompa funebris*', and manuals for Jesuits Sodalities of the Blessed Virgin Mary. This consolation was also translated in Polish at the beginning of the 17th century.

The second funeral sermon of the Vilnius *Ritual* used a fragment from Pontanus, which goes back to the *Summa de Abstinencia* by Nicolaus de Byard (died 1261). The chapter of this work (entitled *Mors* or *De Mortis*) was found in the Middle Ages in *Speculum morale*, attributed to Vincent of Beauvais (ca. 1190-ca. 1264), and in the 16th century was included in *Dictionarium pauperum* by Franciscan Petrus Ridolfi (1536-1601).

Although the funeral sample sermons from 1621 were not republished in other Vilnius *Rituals*, they served as an example for the later Orthodox hierarchs, who expanded their *Rituals* editions with instructive sermons in vernacular language.

Keywords

Orthodox *Rituals*; Vilnius Orthodox Brotherhood; Funeral Orations; Sample Sermons; Homiletic Manuals; Catholic Influences; Georg Barthold Pontanus.